

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ДЕСТРУКТИВНОСТИ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Работа представлена лабораторией прикладной информатики

Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации Российской академии наук.

*Научные руководители – член-корреспондент РАН Р. М. Юсупов,
кандидат физико-математических наук, доцент А. Л. Тулупьев*

Статья посвящена анализу современного состояния государственно-конфессиональных отношений в направлении выявления имеющихся способов формализации, регистрации и измерения потенциала деструктивности современных нетрадиционных религиозных организаций с целью создания в перспективе прикладной методики оценки угрозообразующих факторов в указанной сфере.

The author of the article analyses the modern condition of state-confessional relations in defining available methods of formalisation, registration and measuring of disruptiveness potential of the modern unconventional religious organisations in order to create an applied technique of threat-constituting factors estimation in the above-mentioned sphere.

Проблема выработки комплекса скоординированных мер, направленных на противодействие существующим угрозам террористических и экстремистских проявлений, является стержневой для всей архитектуры современной системы безопасности России. Религиозный экстремизм является одним из важнейших источников угроз для современного общества, и борьба с ним была и остается приоритетной задачей государства, заинтересованного в поддержании стабильности социальной системы.

Использование религиозных лозунгов в целях создания очагов напряженности, для инициирования конфликтных ситуаций на межконфессиональной или на межнациональной основе, провоцирования массовых беспорядков, а также иных противоправных проявлений является отличительной приметой современного этапа развития России. По степени деструктивного влияния на личность, общество и государство религиозный экстремизм сопоставим с такими источниками угрозообразующих фак-

торов как организованная преступность, коррупция, наркобизнес, а в ряде случаев опережает их по силе социальной опасности, и в связи с этим, возведение проблемы борьбы с этой угрозой в ранг первоочередных является закономерной и неизбежной реакцией государства на вызовы времени¹.

В России наиболее явно возникновение, становление и развитие экстремистской идеологии, являющейся источником деструктивного, разрушительного влияния, можно наблюдать на примере многочисленных нетрадиционных религиозных организаций (НРО), активное распространение которых началось в постперестроенный период и продолжается, хотя и меньшими темпами, до настоящего момента².

Отношение государства к указанной проблеме официально закреплено во многих юридических документах, очерчивающих границы проводимой государством политики в различных областях, а принятие Федеральных законов «О противодействии экстремистской деятельности»

от 27.06.2002 г.³ и «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 25.07.2002 г.⁴ привело к созданию необходимой нормативно-правовой базы для упорядочивания государственной политики в сфере межконфессиональных отношений. Следствием этого явилась активизация усилий всех составляющих государственного механизма и, в первую очередь, правоохранительных органов, направленная на противодействие деструктивному влиянию НРО, являющихся источниками и носителями экстремистской идеологии. Видимым результатом предпринимаемых действий явился ряд судебных процессов, направленных на ликвидацию юридических лиц и запрет деятельности наиболее крупных НРО, управление центры которых в большинстве случаев находятся за границей. В процессе судебных разбирательств над такими организациями, как «Свидетели Иеговы», «Церковь Саентологии», «Церковь Объединения» (муниты), «Международное общество Сознания Кришны» (МОСК), «Церковь Божьей Матери Державная» («Богородичный центр»), правоохранительная и судебные системы столкнулись с проблемой объективности экспертных оценок, так как на основании одинаковой информации разные эксперты могли предоставить прямо противоположные заключения в отношении одной и той же организации⁵. По формальным основаниям суд, как правило, принимал решение признать более объективной экспертную оценку, произведенную специалистом, имеющим более высокую учченую степень, однако это не решало основную проблему, заключающуюся в отсутствии единой методологии оценки.

Трудность объективной оценки деструктивности НРО создает использование экспертами из различных областей гуманитарного знания качественных критериев оценки, которые часто являются не более чем отражением личных предпочтений производящего оценку человека. Такая ситуация не может не вызывать озабоченности в

связи с чрезвычайной актуальностью рассматриваемой проблемы для поддержания стабильности общества, безопасность которого не должна зависеть от субъективных взглядов отдельных лиц. Помимо этого, существующая система представляется уязвимой для коррупционных проявлений, причиной чего является отсутствие четкой и выверенной системы оценки на основе юридически и научно обоснованных критериев деструктивности.

Таким образом, приоритетной задачей современных междисциплинарных исследований в указанной области является разработка методологической основы и, затем, методики для оценки степени деструктивности НРО на базе анализа информации об их функционировании из различных областей знания с применением формализованных признаков.

Для выявления оснований для оценки степени деструктивности НРО необходимо произвести анализ имеющихся правовых механизмов государственного контроля в сфере межконфессиональных отношений с целью выделения приоритетных с точки зрения современного законодательства признаков их деструктивности. Несмотря на то, что первоочередной характер проблемы противодействия деструктивному влиянию с использованием религиозного фактора законодательно зафиксирован во многих нормативных актах, определяющих вектор развития государственной политики в сфере межконфессиональных отношений, отличительные признаки, а также критерии оценки, позволяющие определять наличие или отсутствие угрозообразующих факторов в каждом конкретном случае, в современном законодательстве проработаны недостаточно полно.

В самом общем виде отдельные признаки изложены в «Законе о свободе совести и религиозных объединениях», в редакции от 8.12.2003 г, где определяются основания для ограничения деятельности или ликвидации религиозных организаций.

Так, в ст. 14 указывается, что основаниями для ликвидации религиозной организации и запрета на деятельность религиозной организации или религиозной группы в судебном порядке являются (в редакции Федерального закона от 8.12.2003 г.):

- нарушение общественной безопасности и общественного порядка;
- действия, направленные на осуществление экстремистской деятельности;
- принуждение к разрушению семьи;
- посягательство на личность, права и свободы граждан;
- нанесение установленного в соответствии с законом ущерба нравственности, здоровью граждан, в том числе использованием в связи с их религиозной деятельностью наркотических и психотропных средств, гипноза, совершением развратных и иных противоправных действий;
- склонение к самоубийству или к отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии;
- воспрепятствование получению обязательного образования;
- принуждение членов и последователей религиозного объединения и иных лиц к отчуждению принадлежащего им имущества в пользу религиозного объединения;
- воспрепятствование угрозой причинения вреда жизни, здоровью, имуществу, если есть опасность реального ее исполнения, или применения насильственного воздействия, другими противоправными действиями выходу гражданина из религиозного объединения;
- побуждение граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий⁶.

Недостаточно точные формулировки указанной статьи, применение которой определяет законность существования многих НРО, явились причиной того, что со временем принятия закона статья трижды подвергалась редактированию, и, по мнению

ряда экспертов⁷, современная редакция закона также нуждается в доработке. В то же время необходимо отметить, что сформулированные в законе положения являются первой законодательно оформленной инициативой по выделению конкретных критериев оценки деятельности религиозной организации, на основании которой возможна разработка и совершенствование более развитых и формализованных механизмов оценки и контроля, учитывающих большее количество параметров.

Правовой аспект деструктивного использования религиозного фактора подробно сформулирован в «Законе о противодействии экстремистской деятельности» от 27 июня 2002 г., в первой статье которого определяется, что экстремистской деятельностью является «деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных ... по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

- насилиственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- подрыв безопасности Российской Федерации;
- захват или присвоение властных полномочий;
- создание незаконных вооруженных формирований;
- осуществление террористической деятельности;
- возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;
- унижение национального достоинства;
- осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;

- пропаганду исключительности, пре- восходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии;
- социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежно- сти.»⁸

Большинство характеризующих экстремистскую деятельность параметров нашли отражение в Уголовном кодексе РФ в виде самостоятельных статей, однако привязка их совершения к деятельности конкретной организации значительно расширила возможности правоприменительной практики противодействия деструктивной деятель- ности НРО. В отличие от положений «Закона о свободе совести и религиозных объе- динениях» значительно упрощена процедура правовой оценки экстремистской дея- тельности, юридическим подтверждением которой может являться факт вынесения судебных решений по материалам возбуж- денных уголовных дел, содержащих при- знаки соответствующих статей УК РФ.

Для разработки методики оценки сте- пени деструктивности нетрадиционных ре- лигиозных организаций необходимо учи- тывать социально психологическую состав- ляющую проблемы. В общем виде ряд кри- териев деструктивности был выделен, сфор- мулирован и классифицирован Е. Н. Вол- ковым⁹, предложившим производить оцен- ку в зависимости от характера лидерства организации, структуры ее доктрины, а также характера создания и поддержания членства. Таким образом, Е. Н. Волков предложил использовать следующую сис- тему признаков:

1. Лидерство:

- есть ли претензии руководителя на абсолютное лидерство, в связи с исключи- тельной мудростью, могуществом или ду- ховностью;
- воспринимается ли лидер по умолча-нию в качестве образца для подражания;
- есть ли документы, подтверждающие личность и биографию лидера, включая возможные проблемы с законом;

- есть ли открытость к обратной связи;
- есть ли сдерживающие факторы, огра- ничивающие власть лидера.

2. Характер и структура организации:

- наличие «внутренней» (внутрикульто-вой) и «внешней» (для внекульового ок-ружения) доктрин;
- создание сверхценных идей («цель оп-равдывает средства», если это способству-ет достижению целей организации);
- преобладание групповых целей над индивидуальными,
- претензии на абсолютную истину для идеологии организации, которая стоит выше морали и мирского закона.

3. Характер создания и поддержания членства в организации:

- вовлечение в деятельность организа-ции с использованием техник т. н. «конт-роля сознания», сокрытие или искажение информации о целях и методах деятельно-сти организации;
- создание атмосферы секретности и эли-тарности, проведение ритуалов посвящения, поддержание чувства исключительности, манипуляции чувством страха и вины;
- провоцирование эмоциональных пи-ков и спадов у членов группы, провоциро-вание разрыва с внекультовым окружением, постепенные или резкие изменения личнос-ти, необъяснимые исключительно самосто-ятельной активностью данного человека;
- внушение приоритетности чувств над мыслями, а также манипулирование чув-ствами рядовых участников со стороны лидера и других членов организаций;
- провоцирование разрыва связей с про-шлым, изменение целей и интересов;
- осуждение критического, рациональ-ного мышления и умственной деятельнос-ти, признание их вредными, пагубными, разрушительно действующими на сознание члена организации;
- формирование фобий в отношении вы-хода из организации, в связи с «аггрессивно-стью» внешнего мира, возможными сверхъ-естественными санкциями за отступничество;

- внушение поляризованного взгляда на мир (организация – хорошая, мир вокруг нее – плохой);
- использование рядовых членов в интересах руководства организации, благодаря сформированной психологической, физической и финансовой зависимости¹⁰.

Выявленные таким образом признаки, хотя и пересекаются с указанными в законе формулировками статей, однако не позволяют сделать вывод о криминализации деятельности рассматриваемой структуры с точки зрения действующего законодательства. Основной причиной такого положения является неточная формулировка основных положений рассматриваемой методики, которая не предполагает процедуру доказывания отдельных составляющих, на основании которых ведется анализ, и не может служить основанием для расчета показателей деструктивности с использованием формализованных характеристик. В то же время, отдельные элементы предлагаемой методики, в совокупности с другими составляющими, могут быть использованы для анализа деятельности НРО.

Важной составляющей успешного выполнения сформулированной задачи является междисциплинарный подход к изучению деятельности НРО, т. к. только с учетом наработок в рассматриваемой области, сделанных в различных областях гуманитарного знания, возможно произвестизвешенную, объективную и всестороннюю оценку степени деструктивности.

Выделение признаков, атрибутов, иных данных о НРО, на основании которых мо-

жет быть произведен расчет, является следующим этапом разрабатываемой методики, после которого, на основании полученных результатов, будет возможно делать заключение о наличии или отсутствии, а также о степени проявления угрозообразующего фактора у изучаемой организации. Выявленные таким образом «индексы деструктивности», т. е. формализованные показатели для расчета, позволят выявить и оценить количественно у объектов исследования имеющийся потенциал напряжения, способный оказать негативное влияние на межконфессиональную обстановку в регионе, а также нанести ущерб законным интересам личности, общества и государства.

Формализация различных элементов, используемых в юриспруденции, социологии, религиоведении, психологии и математике и их последующая интеграция в единую систему позволит завершить процесс формирования инструмента, предназначенного для измерения и оценки степени деструктивных проявлений НРО.

В завершении целесообразно подчеркнуть, что в современных условиях создание прикладной методики расчета степени деструктивности НРО представляет особую актуальность, так как владение упреждающей информацией о возможных террористических, экстремистских и иных противоправных проявлениях является неотъемлемой частью выстраивания эффективной государственной политики, направленной на ликвидацию источников существующих угроз, и определяет действенность применения имеющихся инструментов государственного контроля.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хвыля-Олинтер А. И. Религиозно-духовная безопасность (методическое пособие для служащих органов государственной власти и местного самоуправления Белгородской области), Белгород, 2004. С. 5–9.

² Вагина Н. Б. Криминологическая характеристика религиозной среды: особенности преступности и нетрадиционные технологии подчинения лидеру организации адептов-последователей : Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М. РГБ, 2003. С. 14.

³ Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г./ С3 РФ. 29.07.2002. № 30. С. 3031.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

⁴ Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125-ФЗ от 26.09.1997г. (в ред. Федеральных законов № 45-ФЗ от 26.03.2000, № 31-ФЗ от 21.03.2002, № 112-ФЗ от 25.07.2002, № 169-ФЗ от 08.12.2003)// С3 РФ. 29.09.1997. № 39. С. 4465.

⁵ Иваненко С. И. Кришнаниты в России. Правда и вымысел. М.: Философская книга, 1998. С. 98–102.

⁶ Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125-ФЗ от 26.09.1997г. (в ред. Федеральных законов № 45-ФЗ от 26.03.2000, № 31-ФЗ от 21.03.2002, № 112-ФЗ от 25.07.2002, № 169-ФЗ от 08.12.2003)// С3 РФ. 29.09.1997. № 39. С. 4465.

⁷ Предложения рабочей группы по подготовке предложений по совершенствованию законодательства о свободе совести и свободе вероисповедания Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации (таблица предложений на 1 марта 2004 г., к заседанию 10.03.2004 г.), возглавляемой начальником отдела по работе с обращениями граждан Аппарата Правительства Российской Федерации А. Е. Себенцовым, о внесении изменений в ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (вариант от 1.03.2004), см.:www.state-religion.ru.

⁸ Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г.// С3 РФ. 29.07.2002. № 30. С. 3031.

⁹ Волков Е. Н. Основные модели контроля сознания реформирования мышления//Журнал практического психолога. 1996. № 5. С. 86–95.

¹⁰ Волков Е. Н. Основные модели контроля сознания реформирования мышления//Журнал практического психолога. 1996. № 5. С. 86–95.